

Олег Юдин

Рамаяна по-русски

Книга первая. И как ни сладок мир
подлунный — лежит тревога на челе

Олег Юдин

Рамайна по-руски

«Издательские решения»

Юдин О.

Рамаяна по-русски / О. Юдин — «Издательские решения»,

По версии автора история Рамы и Ситы начинается на севере России. Поэтому героев повествования зовут Роман и Светлана. Перед читателем — авантюрная сказка, в которой есть юмор и философия, война и любовь, стихи и проза, взлёты и падения... В этой книге — лишь начало приключений мужчины и женщины, чьи любовь и верность стали эталоном для сотен поколений людей и положили начало современной цивилизации. Повествование не ограничивается лишь этой книгой. Оно будет продолжено...

© Юдин О.

© Издательские решения

Содержание

1. Предыстория о близнецах	6
2. Не думай о белой обезьяне!	9
3. Господь его благословил	13
4. И глаза молодых солдат с фотографий увядших глядят	16
5. Аргонавты – это диагноз	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Рамаяна по-русски
Книга первая. И как ни сладок мир
подлунный – лежит тревога на челе
Олег Юдин

© Олег Юдин, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

1. Предыстория о близнецах

Как они появились на торжище, вряд ли кто-нибудь вспомнит. Мало ли оборванцев приходит из Леса продать лукошко грибов или корзинку черники? Даже то, что их отличить друг от друга было невозможно, не бросилось никому в глаза. Бурые домотканые рубахи были на них. Лет каждому было, наверное, двенадцать. Правильные черты лица – и неуловимое сходство с кем-то очень знакомым. Если бы кто-то пригляделся, обязательно бы сказал: «Где-то я вас, ребяташки, уже встречал; кого-то вы мне напоминаете...» – Волосы ниже плеч. Вот, пожалуй, только волосы: у идущего первым, более бойкого и стремительного, они были чуть светлее, но и это было почти незаметно. Мало ли в царстве победоносного Рамы светловолосых голубоглазых мальчуганов?

За спинами у мальчишек были кожаные чехлы диковинного покроя. Но даже это не привлекло к ним ничьего внимания. Они прошли мимо рядов, на которых были разложены мёд и плоды, одежда и обувь, утварь и простые украшения. Лишь оружием не позволял Рама торговать, храня его во дворце на случай войны. Впрочем, у мастеровых оружие дома тоже водилось. Но кому оно может понадобиться после того, как армия Рамы и Ханумана камня на камне не оставила от некогда грозной Ланки, а самой Ланкой теперь правит посаженный Рамой добродетельный Вибхишана? Не осталось зла на Земле, неоткуда ему теперь и взяться: золотой век наступил после гибели Чёрного Раваны.

Мальчишки минули ряды торговцев и вышли на поляну, на которой по обыкновению собирались люди – волхвов послушать да новостями поделиться. Это уже был вызов: нечего делать безусым там, где взрослые мужи серьёзные речи ведут!

Второй, который чуть потемнее волосами, на миг замешкался, но более бойкий подбодрил его вполголоса:

– Не дрейфь, Куш! Вальмики сказал: всё делать быстро.

Появление мальчиков на Поляне Ведунов мигом привлекло к ним внимание людей. Но прежде чем суровые взрослые успели прийти в себя от удивления и шугануть сорванцов оттуда, где им по обычаю не место, мальчишки сноровисто перекинули через головы ляжки чехлов – издали, видать, шли, – выпростали из них гусли со в тот же миг зазвеневшими струнами – ветер подхватил звон и разнёс окрест, – деловито уселись на краю поляны и тот, которого более бойкий брат назвал Кушем, произнёс громко:

– Низкий поклон людям добрым из обители Сладкоголосого, – а второй добавил:

– Послушайте песню о праведном и победоносном князе нашем – Божественном Раме, – и запели они, да так запели, что уже и в голову никому из мужей прийти не могло прогнать со священной поляны расшалившихся малолеток.

Двенадцать лет прошло с той поры, как вернулись победители, взявшие неприступную Ланку. Всего-то двенадцать. Свежи ещё в памяти походные трудности, сражения со свирепыми ордами ракшасов, гибель тысяч врагов и друзей, подвиги Ханумана и Ангады, Рамы и Лакшмана, Сугривы, Налы и простых сицкарей. Кровоточат сердца победителей памятью. Нет больше могучего племени хомунов, сложивших головы в битве за короля людей. Где, в какой обители теперь возжигает священное пламя Хавана могучий Хануман – предводитель и один из немногих обезьян-союзников, оставшихся в живых после небывалого кровопролития? Слышит ли он песнопения двух мальчиков, так похожих друг на друга и ещё на кого-то до тоски сердечной родного и знакомого?

Слышит! Облако над поляной плавно обрело форму головы обезьяны, а второе – словно поднятая в благословении правая рука верного слуги и союзника Рамы. Улыбнулось облако, видимо заметив мимолётный взгляд Куша поющего, – и растаяло. Привет вам от архангела Ханумана, певцы юные! Слышит!

Затаив дыхание, сидели собравшиеся на поляне ведуны. Торговцы товары свои оставили – и собрались послушать. Да и что за ними следить, за товарами? О воровстве никто ещё и слыхом не слыхивал!

Король выглянул из окна спальни и удивился: нет никого на улице! И даже те, кто накануне просили споры разрешить по мариадам, не пришли во дворец. Что случилось?

Вышел Рама из терема и отправился на площадь. А вся столица, все двадцать тысяч горожан, уже там. Собрались вокруг Поляны Ведунов – не протолкнуться! Понятно: кто-то из отшельников пришёл попророчествовать, да наставить народ на путь истинный! Надо бы в гости святого человека пригласить, стопы омыть, накормить да наградить. Видно, нынче вечер в мудрой беседе пройдёт.

Попытался Рама поближе к середине круга протиснуться, а не тут-то было! Тот, что спиной к нему стоял, отмахнулся как от мухи и воскликнул:

– Иди ты! И так ничего не слышать!

– А что слушают?

– Говорят, мальцы какие-то поют. Кажись, из обители Сладкозвучного.

– Не слыхал о таком, – честно попытался вспомнить Рама. – И о чём поют?

– Да тише ты, мил человек... – тут голос говорящего осёкся: обернувшись, он узрел князя и повалился ему в ноги. А выпрямивши спину, хотел было заорать благим матом – даже рот распахнул, да Рама вовремя успел ладонью рот тот прикрыть, улыбнуться и сказать:

– Шанти, Бхиван! Тише! Песню не порти. Давай лучше послушаем!

– Как? – удивился Бхиван. – Далеко ведь, не слышно ни слова!

– Ты зимой в снежки играешь? – спросил Рама.

– А то! – усмехнулся Бхиван. – На тридцати шагах шапку с твоего Величества сшибу – глазом не моргну!

– Зимой посмотрим, – глаза короля заискрились. – На льду Шоши, что в Ра впадает, побоище потешное устроим. Ты дружиной моей командовать будешь, а я – простолюдинами.

– Хитёр, твоё Величество! Простолюдинов не в пример больше, а снежки кидать – не мечом махать! – глаза Бхивана лукаво прищурились.

– Сговоримся как-нибудь! До зимы пора долгая, – не стал спорить Рама. – А теперь представь, что снежок у тебя на темечке голом лежит и тает потихоньку!

– Что за чудо! – обомлел Бхиван, – лето знойное, а с небес свежестью зимней веет! Да приятно как!

– Вот и попроси у Свежести: Свежесть-матушка, дозвожь песню, что мальцы поют, услышать!

Бхиван зашевелил губами, а вскоре уже блаженно улыбался, внимая словам поющих, возникающим в сердце слушающего.

– Погромче сделать? – расплылся в улыбке Шри Рама, но крестьянин уже сидел в позе лотоса и полностью был поглощён пением Куша и Лава.

– Гляди никому о свежести до поры не сказывай! – предупредил король. – На смех поднимут!

Бхиван понимающе улыбнулся, не отрываясь от музыки.

Рама щёлкнул пальцами – уже и не вспомнить сейчас, кто первым – он или предводитель ванавов-обезьян Хануман – исполнили этот трюк ещё до начала Великого Южного Похода – и перенёс себя на поляну, очутившись на единственно свободном месте по правую руку в шаге от поющих. Присел и стал слушать. Впрочем, люди, поглощённые пением мальчишек, не заметили появления ещё одного слушателя.

А был и ещё один. Он возник подле князя, прикоснувшись лбом к его стопам и замер, опустив голову и прикрыв обезьянье лицо длинными рыжими волосами.

И ещё один слушатель был...

2. Не думай о белой обезьяне!

Мама вытерла Ванечке губы, аппетитно вымазанные клубничным йогуртом, улыбнулась так, что у сына из глаз искорки счастья брызнули – только Мама умеет так улыбаться! – и произнесла мягким голосом, спокойствие которого, однако, не могло допустить и возможности плаксивого возражения:

– Чашку с ложкой за собой вымой, Иванушка, отдохни немножко – и играй. Сегодня ты впервые остаёшься дома один. Дядя Будя – не в счёт. Его даже землетрясением из нирваны не вытащишь.

– А что такое землетрясение? – задал вопрос малыш, потому что про нирвану дяди Буди он уже кое-что знал.

– Это когда подвал ходуном ходит. Вот кстати тебе задание. Ты у нас мальчик взрослый?

– Зрелый, – кивнул Иванушка, потому что чего ж не взрослый-то: совсем уже почти что скоро пять лет исполнится. Сколько пальчиков на руке!

– Серьёзный?

– Мама, конечно, серьёзный! Ты же сама вчера на той неделе говорила, что я весь в папу: толстый, но красивый!

– Я говорила?

– Да! Или – добрый, но весёлый. Я точно не помню: много времени прошло, почти что целый не один день! Но точно говорила!

– А если говорила, значит, так оно и есть. Верю: в подвал ты ни за что не пойдёшь без меня. Договорились?

– А с тобой?

– Вот вернусь – и обсудим вместе этот вопрос, хорошо?

– Как про змею?

Вопрос Ванечки заставил Маму едва заметно поморщиться. Она вспомнила, как год назад по весне на грядках рядом с компостной кучей сын обнаружил маленькую новорожденную гадюку и захотел взять в руки. Хорошо, что дедушка Рома рядом оказался. Панику он поднимать не стал, а просто взял Ванюшу за руку и сказал:

– Знаешь, как правильно маленьких змей брать?

– Как? – поинтересовался Ваня.

– Нужны веник и ведро.

– Зачем?

– Пошли, возьмём их, а по дороге я всё объясню...

Когда вернулись, змеи и след простыл. Ваня долго плакал и, глотая слёзы, причитал:

– Хочу змею, дай змею!

– А ты знаешь, как они кусаются? – спросил дедушка, когда безутешные Ванечкины рыдания пошли на убыль.

– Кусаются? – удивился мальчик.

– Очень сильно кусаются.

– А почему?

– Они маленькие и слабые. Им надо защищаться. Поэтому, чтобы они не укусили, надо взять веник и ведро, аккуратно смести змею в ведро, отнести далеко в лес и аккуратно отпустить. Понял?

Ванюша кивнул.

– Теперь возьми ведро с веником – и отнеси их домой, чтобы потренироваться. И в следующий раз, когда увидишь змею, быстро сбегаешь за ними.

Ваня пронёс ведро с веником два шага, поставил на землю:

– Тяжёлые.

– Конечно.

Ещё немного подумав, Ванечка произнёс:

– Дедушка, я передумал носить змею в лес. Лучше я тебя позову. Или папу.

– Хорошо, – согласился дедушка.

Возвращаясь домой рядом с несущим ведро и веник дедушкой, малыш добавил:

– А если змея большая, она из ведра убежит.

– Или уползёт, змея ведь – не сороконожка! – улыбнулся старик.

Вечером после работы, во время семейного ужина, узнав подробности этой истории, Мама сказала:

– Ванюша, у меня к тебе предложение.

– Какое? – поинтересовался мальчик.

– На свете много неизвестных вещей, которых мы с тобой раньше не видели: змеи, глубокие реки, шаровые молнии, незнакомые люди, хищные звери и многое другое. Я тебе обещаю, что если увижу что-нибудь впервые, не стану это трогать, а, прежде всего, приду к тебе – и расскажу, что видела. Потом мы вместе пойдём к дедушке или папе – и посоветуемся с ними: как нам с новой неизвестностью быть. Я многого не знаю – и обещаю тебе, сынок, что без совета с тобой и взрослыми мужчинами не стану играть с Неизвестностью.

– Хорошо, Мама, – поразмыслив, сказал Ванечка. И добавил: – Я тоже буду советоваться с взрослыми мужчинами.

Дедушка и папа деликатно отвернулись, пряча добрые улыбки.

Ванюша допил компот, поставил стакан на стол и добавил:

– А тебя, Мама, я буду любить и не огорчать.

– Ну, до вечера, Ванюша, – сказала Мама, погладила сына по голове и ушла.

Ваня честно подумал, что ему совсем и не интересно, что там в подвале. Вслух подумал:

– И правда! Дом большущий: три этажа, куча комнат. Больно нужен этот подвал! – Да, если вспомнить, то Ваня и не думал никогда раньше про этот подвал. Не только не думал, а даже и не думал думать. И думать не думал. Вот! Что там, в подвале интересного? Да ничего ровным счётом нет в этом подвале! – Вон сколько игрушек в детской. Сейчас разложу их и поиграю. А подвал этот мне и ни к чему. Ну его, этот подвал! Нет в подвале ничего хорошего. Да и подвала тоже нет. А раз подвала нет, то и хотеть в него пойти тоже незачем.

Странно, что игрушки стали какими-то скучными. Ваня подумал, что это от того, что он вдруг повзрослел – и даже обрадовался немножко по такому замечательному поводу. Но тут снова вспомнился подвал. Вот странный! Ваня про него и не думает вовсе, а он сам в голову лезет и специально вспоминается. Дразнится, наверное. А раз так, то Ваня в него точно не пойдёт! Вот! Нечего дразниться. Тоже мне! Подумаешь – подвал!

Старший брат Изя появился незаметно. Как фокусник!

– Привет, Иванушка! Чем занимаешься?

Ваня сидел на ковре с вытканными на нём лесом, полем, пасущимися на поле овечками, едущей по дороге машиной, стоящими вдоль дороги знаками дорожного препинания, которых взрослые почему-то называют «сотрудники гибэдэдэ поганые», лежащими поверх всего этого разноразнообразия игрушками... И молчал.

Изя сел напротив и поделился сокровенным:

– А я сегодня в университете доклад читал о средствах массовой коммуникации и необходимости нового подхода к глобальной систематизации информации с использованием усовершенствованных постиндустриальных методик на базе метакомпьютерных гиперносителей.

Ваня отреагировал никак, но Изю по жизни трудно смутить или вывести из себя – и он продолжил:

– Вообще-то, я ожидал гораздо большего интереса к этой животрепещущей теме современности, но аудитория попалась какая-то вялая. Нет, не подумай, они, конечно, слушали внимательно, только... понимаешь... как-то без энтузиазма, без души. И дело даже не в том, что их было всего двое, а скорее в том, что это были моя очень хорошая знакомая и мой научный руководитель... Впрочем, тебе это, наверное, неинтересно...

– Ну почему же, – сказал Ваня. Эту короткую фразу Изе говорили все в семье – и она его чрезвычайно воодушевляла. Воодушевила и на этот раз. Старший брат продолжил развитие мысли в направлении необходимости активизации мобилизации ресурсов, направленных на обоснование и внедрение разрабатываемых систематизационных методик, но тут Ваня сбил его с панталыку вопросом:

– Изя, а ты был в подвале?

– В каком подвале, Ванюша? – Изя даже головой потряс, пытаясь осознать, куда его братишка низверг с заоблачных высот глобальной систематизации.

– В нашем. У нас в доме есть подвал.

– Есть, – согласился Изя.

– И что?

– Я там никогда не был. А ты?

Изя помолчал, приводя свой внутренний компьютер в порядок. Наконец он ответил вопросом на вопрос:

– А почему ты об этом спрашиваешь, братишка?

Ваня посмотрел в глаза Изе, сделал значительную паузу и произнёс максимально серьёзно:

– Мама! – И замолчал.

Молчание длилось долго.

– Что Мама? – наконец нарушил его старший из братьев.

– Мама сказала, чтоб я туда не ходил.

– Хорошо, не ходи.

– Ты что, не понимаешь?! – удивился Ваня.

– Нет, но надеюсь, что ты мне объяснишь, – попытался оправдаться, как мог, Изя.

– Хорошо, – вздохнул Иванушка и добавил единственную фразу дяди Буди, которую от него слышал за без малого пять лет: – ты знаешь: меня очень трудно вывести из себя...

В этом месте Изя засмеялся, а когда успокоился, похлопал себя ладонью по губам и сказал:

– Продолжай!

– Так вот, – продолжил Ваня, – проблема в том, что после того, как Мама попросила меня не ходить в подвал, я только и думаю о том, чтобы туда пойти.

Неожиданно лицо Изи стало серьёзным. Чувствовалось, что он подыскивает слова, но никак не может найти необходимые.

Наконец он сказал:

– Вань, а ты поесть не хочешь? Я ведь на пару минут домой забежал – перекусить. Меня в универе ребята ждут. Мы договорились поиграть в баскет. Если я вовремя не приду, то подведу команду. Понимаешь? Так что предлагаю тебе продолжить наше общение за бутербродами с вареньем и чаем. Идёт?

– Идёт, – тяжело вздохнул малыш и направился за старшим братом в ванную мыть руки.

Изя закатал рукава, обнажив глубокие неровные шрамы на запястьях, и взял мыло. Запахло свежестью. Этот запах очень нравился Иванушке и он тоже стал мыть руки, улыбаясь длинноволосому отражению Изи в зеркале. Всё в старшем брате нравилось Ване: большие печальные глаза, маленькая бородка клинышком, привычка бродить по дому по выходным

в длинном простом хитоне... Ваня часто мечтал, что, когда вырастет, тоже отпустит длинные волосы, бородку, заведёт себе серый хитон. Как Изя!

Однако, мечты – мечтами, а дело – делом.

Прихлёбывая из блюдца лимонный чай, Ваня внимательно смотрел на старшего брата, но тот только улыбался и ничего не говорил. Разве что спросил, намазать ли ещё батон вареньем. Наконец, Ваня не выдержал и задал вопрос:

– Так был ты в подвале или нет?

– Был, – жуя, ответил брат.

– И что?

– Знаешь историю о Ходже Насреддине? – улыбнулся Изя.

– Какую?

– Ходжа сказал одному человеку: ты можешь думать о чём хочешь, не думай только о большой белой обезьяне.

– И что? – насторожился Ваня.

– После этого человек стал замечать, что только об этой обезьяне и думает. – Изя доел и допил свою порцию. – Понимаешь, братишка?

– Понимаю, – ответил Ваня. И продолжил: – Значит, чтобы я не думал о подвале, ты мне сейчас о нём расскажешь?

Изя медленно с улыбкой поставил чашку на стол и произнёс:

– Хорошо. Вот что я тебе, Ванюшка, скажу. В этом подвале нет ровным счётом ничего интересного. И никого интересного там нет. Ходить туда – себя не уважать. И вообще, я хочу предложить тебе роскошную идею: сходи в комнату к дяде Буде – и попробуй вывести его из себя. А то дядя Будя совсем чего-то замедитировался – три месяца уже на семейный обед не выходит, а это – непорядок.

Сказав так, Изя громко вздохнул и, уходя, добавил:

– И вообще, все они там злые и неблагодарные. Я их совершенно не понимаю!

И ушёл. И чашку за собой не вымыл. Ваня смиренно вздохнул: весь Изя в этом! Вечно Мама за ним моет чашку!

Потом малыш решительно придвинул табурет к мойке, взобрался на него и тщательно вымыл обе чашки, обе ложки, оба блюдца и тарелку из-под бутербродов.

3. Господь его благословил

В комнате дяди Буды всегда стоял крепкий аромат благовоний. Ванечка научился различать их. Вся семья давным-давно заметила, что даже если дядя Будя находится в глубочайшей нирване – а это очень далеко! – его внимание мгновенно фиксирует визиты в комнату. И запахи меняются.

Обычно, при входе в полумрак этой комнаты без мебели, все чувствуют, как пахнет лавандой, но аромат быстро, в течение одной-двух минут, окрашивается в различные оттенки, а потом плавно сменяется на другой.

При этом, каждому посетителю комнаты дядя адресует его индивидуальный аромат, словно в приветствии говорит имя входящего. Когда в комнате появляется Иванушка, дядя Будя наполняет пространство свежим запахом лепестков розы. Если дедушка Рома приходит – в комнате пахнет тлеющим опиумом. Папу дядя Будя приветствует ароматом муска, а Маму – нежным запахом, который все красиво называют «царица двух зорь». Если в гости заглядывают Мухаммед, Моисей или Сократ с Абрамом из соседних коттеджей, дядя Будя расщедривается на сандаловый аромат. А вот когда заходит Изя, почему-то запах лаванды не исчезает, а наоборот усиливается.

Мама говорит, что у каждого – свой запах. Не исключено, что у дяди Буды и Изи он – общий, один на двоих.

А ещё дядя Будя любит малость похулиганить: когда в его комнате собирается несколько посетителей, он устраивает фейерверки обоняния, наполняя пространство красиво и неожиданно сменяющимися друг друга без видимой закономерности коктейлями ароматов.

Ване нравится иногда спрятаться от всех в комнате дяди Буды – однажды Мама нашла сыночка спящим у ног медитирующего, который, как всегда, даже бровью не пошевелил. Но прятаться интересно, когда тебя ищут. А тут – целый день впереди и игра в прятки не намечается. Тем более этот подвал как будто специально в голову лезет. Может быть, дразнится?

Ваня сел на пол лицом к сидящему в позе лотоса хозяину комнаты и вспомнил наставления Мама, которая в йоге – дока покруче дяди Буды. Мама у Ванечки – мировая! Такое ощущение, что она – во всём дока! Вот что Мама говорит:

– Ванюша, сядь удобно, так, чтобы ни в чём не чувствовать напряжение. Перво-наперво помни, что усилием мысли йоги ещё никто не достигал. Йогу тебе даст спящая в тебе сила. Эта сила – Моё отражение в тебе, ведь Я – твоя Мама. Понял?

Вспомнив это наставление, Ваня подумал: значит, чтобы ощутить йогу, прежде всего надо подумать о Маме. Мама сказала:

– Йога – это состояние без мыслей. Одна мысль уже ушла, вторая ещё не пришла – между ними открылось маленькое окошечко. Наблюдай: это окошечко откроется чуть шире – и из него начнёт дуть. Когда мы проветриваем комнату, так бывает. А в йоге дуть начинает, где бы ты ни находился, даже в закрытой комнате, потому что окошко открывается между двумя мыслями. Это очень просто.

Ванюша закрыл глаза, увидел свою последнюю мысль и отпустил её. Следующая мысль хотела незаметно юркнуть Ване в голову, но мальчик, улыбнувшись, погрозил ей пальчиком – и мысль куда-то убежала. А следующая просто не пришла – испугалась, понял Ваня, ныряя в океан безмыслия.

В комнате подул прохладный и приятный ветерок.

Этот ветерок тоже был Мамой.

Ваня сложил ладошки перед собой и поклонился дяде Буде. Дядя Будя поклонился в ответ, но внешне это никак не проявилось – просто малыш знал, что дядя ему ответил. Они

поплавали в океане вместе. Там было хорошо, но Ваня захотел вернуться в комнату и открыл глаза.

Он вспомнил главное: безмыслие – это отсутствие помех в эфире. Много ненужных мыслей создают шум и треск, как в древних радиоприёмниках – про приёмники бабушка Света рассказывала – и нужную единственную мысль в этом треске просто не слышно. А нужная мысль называется Роскошная Идея, сосед Архимед зовёт её Эврикой – воплощённых Эврик у него на участке – и не сосчитать! Архимед, хотя и выглядит старым, всё равно очень красивый, его классическую красоту не портит даже шрам, пересекающий лицо по диагонали. На вопрос Иванушки: – Что это у тебя? – он однажды ответил:

– Оно и к лучшему, здесь спокойней.

Так вот, Роскошная Идея сейчас необходима, как никогда! Этот загадочный подвал теперь от Ванечки точно не отстанет! Но Мама сказала, чтоб Ваня не ходил в подвал, а Мама – взрослая, её надо слушаться. И не успокоиться Ванечке, пока Мама не вернётся и не сводит его в подвал. Но до вечера так долго!

Однако, спасибо дяде Буде – он тоже взрослый, и в океане радости, где все медитируют, дядя за Иванушкой присмотрел, значит, и в подвале присмотрит! Это и есть самая Роскошная Идея на сегодня.

– Правда, дядя Будя? – улыбнулся блаженному истукану мальчик. Улыбнулся и подмигнул для верности.

Дядя никак не отреагировал, тогда Ваня принял самый серьёзный вид и произнёс:

– Глубокоуважаемый, я бы даже сказал, высокочтимый в мирах дядя Будя! Прошу тебя, выслушай слова сердца моего. Я уйду – а слова с тобой останутся.

Ответа, конечно же, Ваня не дождался, но, вполне возможно, что отсутствие ответа является лучшим ответом. Недаром говорят: молчание – знак согласия.

Ванюша низко поклонился старшему родственнику и продолжил:

– Сейчас я пойду в подвал с твоего разрешения, потому что спокойствие в душе ребёнка – самое главное, а тот факт, что я до сих пор не побывал в подвале, меня давно и сильно беспокоит. – Ваня подумал и уточнил: – Очень давно, дядя Будя! С самого утра.

Будя, улыбаясь, молчал. Или молча улыбался. Это уж кому как.

Ваня выждал минутку и завершил свой блистательный спич:

– Спасибо тебе, дядя Будя, за разрешение идти в подвал, – а чтоб уж совсем не было у дяди сомнений, очень громко, почти криком, поставил жирную восклицательную точку:

– С твоего разрешения и благословения я немедленно отправляюсь в подвал. Прошу тебя как старшего присматривать за мной в подвале.

– Хорошо, иди куда хочешь, только отстань и не мешай мне медитировать, – хотел было ответить дядя Будя, но было лень – и он не ответил.

На прощание маленький Ваня подошёл к дяде Буде. Так уж получилось, что ухо дяди и говорящее отверстие племянника оказались очень близко друг от друга. Ваня крикнул:

– Прощай, дядя Будя! Я ухожу в подвал, но я вернусь! До встречи после моего победоносного возвращения из подвала!

Дядя Будя открыл глаза, медленно повернул шею так, что они встретились с глазами мальчика, и сказал:

– Ты уроки выучил, Ванечка?

– Я ещё в школу не хожу, – обрадовался Ваня редким в последнее время жизнепроявлениям дяди Буди.

– А руки вымыл? – не смутился ненадолго выплывший из nirваны.

– Я же не обедать иду, а на встречу с Неизвестностью! – резонно заметил малыш.

– А бандхан сделал?

Ваня почесал затылок, дисциплинированно сел в позу лотоса, дисциплинированно вспомнил о Маме и семь раз нарисовал над собой радугу – и справа налево, и слева направо. Сначала он нарисовал красную полосу. Потом – оранжевую, жёлтую, зелёную, голубую, синюю и фиолетовую.

После этого он произнёс:

– Мама, Дядя Будя разрешил мне идти в подвал и обещал присмотреть за мной. Я иду в подвал.

После этого Ванечка завязал три узелка над головой, чтобы в случае опасности эти ниточки, связывающие его с Мамой, вывели его из подвала обратно в дом или показали Маме дорожку к нему.

Таков бандхан – энергетические доспехи любого бога, даже самого маленького. Дома, где вся Семья живёт, бандхан работает автоматически, а в подвале Ванечка ещё не был и полностью признал правоту дяди Буды по поводу его третьего вопроса.

Не знаю, стоит ли говорить о том, что над радугой, которую нарисовал Иванушка, на секундочку возникло лицо Мамы. Мама улыбнулась, покачала головой и исчезла вместе с радугой. Пожалуй, не стоит пока что об этом говорить, а, стало быть, и говорить об этом автор пока не будет.

Уходя из комнаты, Ванечка не попрощался, даже не кивнул дяде Буде.

– Какая концентрация! – похвалил дядя племянника.

А перед тем, как вернуться в своё вечное состояние, он произнёс:

– Пожалуй, мне стоило пойти с этим сорванцом, но не могу же я вот так взять – и бросить всё! Хотя, пожалуй, могу. Но зачем?

И вернулся в своё любимое вечное состояние.

Потом снова на секунду вышел обратно, едва заметно приподняв левую бровь, и шепнул:

– Маленький серый братец, ты не слишком занят?

4. И глаза молодых солдат с фотографий увядших глядят

Конечно, в подвале страшно. Но теперь уже пути назад нет: и дяде Буде раструбил о намерении, и бандхан сделал.

– А так ли интересно в этом подвале? – спросил себя Иванушка. – И стоило ли так хотеть туда попасть? Но теперь, хочешь – не хочешь, придётся идти. Никуда не денешься – разрешение получено, так что иди, Иван – Мамин сын, в свой подвал. Дааа... Лучше бы уж в игрушки поиграть и пазлы собирать.

В голове Иванушки проснулась мысль и сказала:

– А ты ведь, Ваня, боишься идти в подвал. Ты – трус, Иван!

– Сама ты – трусиха! – ответил ей мальчик.

Тогда мысль стала расти от смеха, а когда выросла больше головы в десять раз, сказала:

– Я – трусиха? Врёшь, Ваня! Пошли в подвал прямо сейчас – и я докажу тебе, что это не так!

– Я это... – замялся Ваня.

– Что?!

– Я...

– Боишься?! Вижу, что боишься!

– Нет! – смело возразил малыш. Не боюсь я никаких подвалов. Просто я должен грамотно экипироваться.

Таких слов эта мысль, наверное, не знала – и замолчала надолго. Но не навсегда.

Идея об экипировке пришла Ванечке как нельзя более кстати. Он стал прикидывать, что взять из самого необходимого, что может понадобится в подвале. Друзей? Оно, конечно, хорошо. Только, пока за друзьями бегаешь и объясняешь им важность момента, – день пройдёт, Мама вернётся – и не будет сегодня никакого приключения. День пройдёт впустую.

Тут Ваня обратил внимание, что мысль, которая только что дразнилась, тихонечко сидит в уголке и прислушивается к другим Ваниным мыслям. Правильно, пусть учится, повышает квалификацию, – не стал сердиться на неё Ваня. Мысль улыбнулась и сказала спасибо. Ладно, проехали, улыбнулся Ваня и посадил мысль в цветочки. Мысль вдохнула свежий аромат фиалок и от счастья упала в обморок. Но не навсегда.

А пока она лежала в обмороке, малыш продолжил размышления об экипировке.

Брат в подвал сачок, подаренный мэтром Паганелем, который сутки через двое дежурит на эксклюзивно благоустроенной вышке, охраняя коттеджный посёлок Богов, вроде бы ни к чему. Взять фонарик можно, но слишком уж он большой – в кармане не помещается. Взять книжку про то, как прадедушка со смешным именем Вишня убил двух воришек Мадху и Кайтабху, которые рылись у прадедушки в ушах, пока он спал? Зачем тогда идти в подвал? Почитать учебники по Семейной истории и в детской можно.

Наконец Ванечка понял, что ему действительно может понадобится.

Эврика, как сказал бы дед Архимед!

Дедушка Рома на День Победы, который по старому стилю называется День Сотворения Мира, одевает свой праздничный военный пиджак. Ваня как увидит этот пиджак, так сразу обо всём забывает. Обалденный пиджак!

В исторических новостях иногда военные парады показывают – там у генералов и полководцев такие пиджаки! Настоящие старые хренчи! Так дедушка говорит, потому что того, кто носил такой пиджак-хренч, солдаты называли старым хреном. У этих генералов хренчи – все в орденах и звёздах. И на плечах – по большой звезде, только там они называются маршаль-

скими звёздами, а не золотыми звёздами Героев Советского Союза и не Орденами Ленина. Генеральские хренчи до пупа увешаны орденами и медалями – это потому, что им дали, а солдатам не дали. А некоторые и ниже пупа – до самых пампасов! Только это всё – детские какие-то хренчи. Вот у дедушки Ромы хренч так хренч! На нём, во-первых, на плечах – не по одной маршальской звезде, а – по целому созвездию маршальских звёзд. Только сами звёзды у дедушки крупнее. Раза в три. На левом погоне – созвездие Ориона и карта мятежного Петрограда, датированная 1917-м годом от рождества Изи. А на правом погоне – созвездие Большой Медведицы и карта обратной стороны Луны с отпечатавшейся на поверхности фотографией астронавта Армстронга в виде улыбающегося добродушного негра с саксофоном в руках. Под фотографией Армстронга так и написано крупными буквами: «здесь был Юра Гагарин». И это ещё не всё. Ордена и медали на пиджаке дедушки Ромы не только спереди, но и сзади. Да что там! И в подмышках – ордена! Весь хренч дедушкин из одних только орденов и медалей и состоит. Они как колечки друг в друга вдеты. Иногда дедушка так и говорит: «Где там моя старая кольчуга?» – и смеётся так, что подвал ходуном ходит.

Весит кольчуга пудов этак пять или шесть, а дедушка весит ещё больше.

Но ни кольчугу, ни дедушку Ваня в подвал брать не станет. Нечего им там делать сегодня. На пенсии, значит на пенсии.

А вот о подвигах своих дед давно Иванушке рассказать обещал, да всё времени не было. И как-то за ужином, поглаживая свои длинные усы с колечками на кончиках, проронил – а Ванятка запомнил:

– При мне всегда ординарец был. Петька. Толку от него всё одно никакого не было: не то, что стрелой зверю в глаз – пальцем в небо бывалыча не попадёт! Так я его обучил с кинокамерой работать. С простой «мыльницей». Профессиональную-то камеру ему было не освоить – Петька, он и в Африке Петька. Вот он и наснимал, как смог, кин про все наши баталии и экзекуции...

– Дедушка! Покажи мне про твои баталии! И особенно про экзекуции! – попросил Ваня, со смаком произнося незнакомые слова.

– Вот ещё! Стану я ребёнку страсти всякие показывать. Мал ещё!

– Пожалуй, ребёнок вправе увидеть семейные хроники, чтобы знать славные традиции семьи, – резонно рассудила Мама.

– Ты думаешь, дочка? – спросил дедушка. – А не запугаем мальчика раньше времени? Там кровихи пролито – не то, что ведрами, а прямо-таки декалитрами, ты же знаешь! Одно взятие Ланки чего стоит. Страсть!

– Право, Папа, вы, наверное, подвальные новости не смотрите, – по-матерински вздохнула Мама. – Вот там страсти так страсти.

– Давненько не смотрел, – согласился дедушка Рома. – А что, тарелка на их каналы настроена?

– Ой, Папа, лучше и не смотрите, – вздохнула Мама.

– А что такое?

– Да вы по доброте душевной всё вашему брату Севе расскажете за чашкой пунша, тот осерчает – и испепелит подвал. Вы же знаете нашего Севу и его добрую привычку всё кардинально менять и каждый день начинать всё сначала.

– Ну, и?..

– Папа, – терпеливо напомнила Мама, – мы же, кажется, договорились: подвал – моя лаборатория, а не семейный Диснейленд. Я по результатам экспериментов и исследований диссертацию пишу, у меня защита на носу...

Ваня внимательно взглянул на Мамин нос, но ничего, кроме очков, не увидел.

– Ладно, дочка не сердчай, – пошёл на мировую дедушка Рома, а чтобы уж совсем замять тему добавил: – Ванятка, внучок, плеер с Петькиными хрониками у меня на рабочем столе в кабинете. Маленький синенький такой. Да ты их знаешь, они у нас в семье – стандартные.

Потом дедушка потрепал Иванушку по русоволосой голове и добавил:

– Приходи в мою комнату как-нибудь вечером – поглядим кинишко-то!

Ваня зашёл в комнату бабушки Ромы.

До вечера, конечно, было ещё далеко, но сегодняшней день начался слишком уж необычно. Поэтому Ваня решил отложить пустые формальности в сторону.

Кольчуга висела во встроенном в стену шкафу и таинственно мерцала. Посмотрев на неё, Ваня понял, что, даже если он сможет снять кольчугу с вешалки, то добьётся лишь одного: кольчуга, упав, просто его раздавит.

– К тому же, бандхан Мама создан по более совершенной технологии, чем бабушкина кольчуга, а защищает гораздо надёжней. А то, что бандхан незаметен обычным зрением, даже прикольно.

Это рассуждение привело Ваню в неопределимо светлое настроение, граничащее с восторгом. Путешествие в подвал обещало быть увлекательным и безопасным.

– В таком случае, – продолжил говорить вслух малыш, – единственное, что мне может пригодиться в подвале – бабушкин плеер с хрониками его походов и подвигов.

Ваня придвинул стул вплотную к бабушкиному столу, забрался на стул и, прислонившись животом к краю столешницы, склонился над разложенными на столе предметами. Плеер он обнаружил сразу. Взяв его в руки, Ваня нажал на кнопку «ом», чтобы проверить, заряжен ли плеер. Убедившись, что плеер в порядке, мальчик нажал на кнопку «аминь» – и маленький экран погас. Потом ещё раз посмотрел на дисплей и догадался (интуиция!): кнопка «оминь» означает паузу воспроизведения.

Единственный элемент иванушкиной экипировки очень ладно помещался в кармане лёгкой курточки с капюшоном, словно карман этот специально для плеера и был сшит.

– Ну, с Богом! – сказал про себя вслух Иванушка – и отправился в подвал.

5. Аргонавты – это диагноз

Оказалось, что в подвале совсем не страшно. Подвал как подвал, подумалось Ванечке, хотя это был, кажется, первый подвал на его памяти. Впрочем, неважно. Ничего необычного Ваня не встретил ни на лестнице, спускающейся вниз, ни в подвальном коридоре, тянущемся вдоль всего подвального пространства и пять раз пересеченном перпендикулярно проходами в обе стороны. Коридор заканчивался не очень высокой, в Мамин рост, металлической дверью тёмно-зелёного цвета. Дверь была заперта. Ваня был слегка разочарован: разве ради этого коридора стоило так волноваться, придумывать трюк с получением разрешения от дяди Буди, экипироваться по последнему слову дедушки? Разве нужно было делать бандхан?

А Изя? Где в этом безобидном коридоре можно так изувечить свои запястья?

Ваня озадаченно почесал затылок, вытер нос, который вместе с глазами начал предательски намокать от разочарования.

Дааа... Придётся возвращаться: делать нечего в этом подвале.

– Однако, как настоящий исследователь, как сын научных работников и потомственный военный, я обязан собрать полную информацию даже из столь скудных источников, – приободрил себя Иванушка и принялся методично проверять коридоры. Но все двери были заперты.

– Ничего! – оптимистично повторял Ваня, дергая ручку очередной двери.

Непроверенных дверей становилось всё меньше и меньше. Оптимизм постепенно покидал мальчика. И вот, когда малыш проверил последнюю оставшуюся, по его мнению, дверь, он понял, что не остаётся ничего другого, как бесславно возвратиться восвояси – и на этом приключения заканчиваются!

Сначала Ваня чуточку расстроился и даже сказал:

– Уважаемый подвал, моя Мама говорила о тебе много приятных вещей. Я пришёл познаться и поиграть с тобой, а ты или спишь, или занят своими важными делами. Видимо, я пришёл не вовремя. Хорошо, я ухожу, а потом вернусь с Мамой, когда у тебя появится минутка для общения со мной. До свидания, подвал!

Вежливо попрощавшись с подвалом, Ваня пошёл к выходу. Он шёл долго, сделал много поворотов, устал – и понял, что заблудился. Тогда он обратился к подвалу:

– Значит, ты всё-таки не хочешь отпускать меня? Ты хочешь пообщаться со мной? Я очень рад и благодарен тебе, милый подвал!

Из-за ближайшего поворота неторопливо, словно нехотя, прилетел звук шагов. Вернее, частый топот маленького пони. Или ёжика.

Короче, по коридору, быстро перебирая ногами, кто-то двигался.

Через несколько секунд из-за поворота появилась большая крыса серого цвета. Размером она была гораздо меньше Вани.

Увидев Ваню, крыса остановилась и села на задние лапы. За спиной серой обитательницы подвала виднелась та часть хвоста, которая уже прибыла из-за поворота.

– Ну, вот, – подумалось Ване, когда он узрел пришедшее с неопознанной пока что целью животное. – Это – дракон. Сейчас он меня съест.

– Да шо вы в самом деле, я вас умоляю! – возникла в голове Вани фраза и стала развиваться: – Или вы не наблюдаете, шо я – самая вульгарная подвальная крыса и порой даже своей фамилии наследственной не помню, хотя она на моей исторической родине, уверяю вас, самая популярная?

– Вы умеете разговаривать? – вслух спросил Ваня.

– Ах, не напрягайте так ваши голосовые связки, молодой человек. Я и без того прекрасно читаю все ваши мысли.

– Я тоже могу читать, – обрадовался Иванушка, – у меня много книжек. По-русски уже очень хорошо – там ведь всего 33 буквы, а на санскрите я только разговариваю.

– Со словарём? – осведомилась крыса и пристально посмотрела на Ивана генетически печальными большущими глазами.

– Взгляд как у Изи, – пронеслось в голове Вани.

– Заметьте, вы сами это сказали, – пожалуй, чересчур поспешно заявила крыса-телепатка.

– Вы кто? – вежливо спросил Ваня, и чтобы крыса не посчитала его нахалом, тут же представился: – Я – маленький русский бог из семьи Саваоф, а зовут меня Иваном Кришновичем, – и добавил: – по батюшке.

– Очень, конечно, приятно, уважаемый юноша, – осторожно ответила крыса. – Однако, позвольте мне моё настоящее имя пока что не называть. Видите ли, весь опыт предыдущей моей жизни показывает, что представителям моей национальности лучше менять имена, делая их созвучными именам тех, на чьей земле мы обитаем.

– Как же вас величать прикажете? – уточнил Ваня.

– Крыс, просто Крыс. Так пока и зовите, если вас это не затруднит.

– Нисколько не затруднит, – улыбнулся и обрадовался вежливой деликатности собеседника мальчик.

– Позвольте осведомиться, молодой человек, как правильно произносить Вашу уважаемую фамилию: Саваоф или же Savva-off?

– Не вижу разницы, – честно признался Ваня.

– Действительно, – согласился Крыс, – разница лишь в написании, а писать я по жизни не умею.

– Не парься, друг, – вспомнил формулировку папы Иванушка, – зови меня просто Ваней!

– Тогда, молодой человек, позвольте задать вам последний вопрос.

– Позволяю, – кивнул Иванушка.

– Как это может быть, что вы – русский, братец ваш старшенький – еврей, батюшка, как вы изволили выразиться, – индус; дядя Будда, похоже, – непалец, дедушка Рома и супруга его Света – вообще неизвестной нации?

– Если честно, я и сам не знаю, – не стал разводить философию, а честно признался Ваня. – Слышал только, как дедушка часто песню поёт. А слова в ней такие:

*Молодость моя,
Белоруссия.
Песни партизан,
Сосны да туман...*

– А бабушка подпевает. Душевно у них получается. Видимо, секрет нашей многонациональности Мама знает. При случае спрошу у Неё – и обязательно передам вам Её объяснения, коль скоро таковые последуют.

– В таком разе приятно с вами познакомиться! – ответил удовлетворённый сообщёнными Ваней сведениями и озвученными им же заверениями Крыс и, поклонившись, как мог, продолжил: – Чем могу быть полезен подрастающему богу славной русской нации?

– Понимаешь, друг, – взял быка за рога Ваня – и всё, как есть, простая душа, Крысу выложил. Всё, без утайки.

Выслушав рассказ Ивана, Крыс несколько минут осмысливал услышанное. Потом он произнёс:

– Как я понял, Ваня, – ты позволишь-таки тебя так называть? – оптимальный выход в создавшейся ситуации – твоё скорейшее возвращение домой, верно?

– Я именно к этому и стремлюсь теперь! – горячо согласился Ваня.

– Честно признаюсь: показать тебе дорогу домой я не могу. Если бы я знал дорогу наверх, я бы не жил в этом подвале, а сбежал бы в верхний мир. О! Это – мечта многих живущих в подземелье!

– В подземелье? – удивился Иванушка.

Крыс осёкся, посмотрел на Ваню огромными печальными глазами и произнёс:

– Ой! Кажется, я сболтнул лишнее... – потом он застонал и заплакал, при этом не вслух, а телепатически – в голове мальчика. Именно акустическая невыразимость стонов заставила сердце Вани затрепетать от жалости. Крыс вопил:

– Горе мне, несчастному животному, не сумевшему сохранить секрет моей благодетельницы, которая по случайному совпадению является одновременно Матерью моего юного друга! Вечные мне презрение и поношение! Если бы у меня была голова, я бы незамедлительно и обильно посыпал её пеплом!..

– А где бы ты взял пепел? – спросил малыш.

– Действительно, где? – заинтересованно переспросил Крыс и тут же растерянно умолк.

Ваня подумал, что в столь непростой момент биографии надо как-то приободрить друга – и произнёс жизнерадостным голосом:

– Знаешь, Крыс. Ты, пожалуйста, не обижайся, но я тебе одну умную вещь скажу.

Крыс с интересом повернулся к Ване, а Ваня, воодушевлённый его вниманием, продолжил:

– Где пепел я не знаю, а голова у тебя – на месте. И она у тебя – в полном порядке!

Сказал – и ободряюще улыбнулся.

– Спасибо, ты – настоящий друг! – Крыс в благодарном восторге совершил немислимый пируэт, напоминающий не то кульбит, не то сальто-мортале.

– В таком разе, приятно с вами познакомиться! – произнёс Ваня – и друзья весело засмеялись.

Насмеявшись от души, они сели на пол друг против друга. Ваня вытащил из кармана два маленьких сухарика с фруктовым запахом и один протянул Крысу. Грызая аккуратно, так, что на пол не упало ни единой крошки, Крыс ухитрился рассказать Ване всё, что знал про место, в котором они на данном этапе жизни оказались.

Подвал, созданный по проекту ваниной Мамы, имел несколько особенностей, одной из которых была невозможность войти в помещения без знания паролей, которые Крыс назвал странным словом «заклинания». Пароли можно было узнать только у Мамы, и то, если у Неё об этом попросить и если Она согласится их дать просящему.

Чтобы проникнуть в какое-нибудь помещение, надо встать лицом к двери, ведущей туда и произнести соответствующий пароль.

– Кстати, сама твоя Мама заклинания называет мантрами. Звучат они как обычная тарбарщина, но – что удивительно! – работают безотказно, – сказал Крыс. – Как-то я захотел подслушать, как хозяйка произносит мантры – я ведь – телепат! – но получил такую фибрилляцию полушарий, что чуть голова не взорвалась. У твоей Мамы – очень сильный бандхан. Он умеет не только отражать атаки, но и сам атакует непонятным образом.

Ваня поблагодарил Крыса за комплимент Маме. Крыс продолжал:

– Впрочем, хозяйка сообщила мне одну мантру – и я всегда могу вернуться в ту дверь, из которой попал сюда.

– Вот здорово! – обрадовался Иванушка. – Значит, я не зря встретился с тобой – и мы немедленно отправимся в комнату, из которой ты пришёл?

– Там не совсем комната, мальчик, – вздохнув, произнёс Крыс. – Понимаешь, подвал устроен по-другому, не так, как ваш дом, а в подземелье вашего дома такое творится...

– Какое-какое-какое??? – в нетерпении затараторил Ванечка. – Теперь я очень-очень хочу попасть туда и не успокоюсь, пока не увижу, что там творится!

– Боюсь, молодой бог, вам в подземелье не слишком понравится, а может быть даже слишком не понравится, – Крыс вздохнул, выдержал паузу, доел свой твикс, приняв из рук Вани второй сухарик, и сказал максимально доверительно:

– В то место, откуда я пришёл, мне меньше всего хочется возвращаться.

– Почему? – удивился Ваня.

– Я вряд ли проживу там даже день. Они меня тотчас же убьют!

– Мы дедушке Роме скажем – и он защитит тебя.

– Эх, Ванечка! – тяжело вздохнул Крыс. – Маленький ты ещё, многого не знаешь.

– Чего, например?

– Например, того, что меня даже твой брат Изя не смог спасти, а он покруче твоих дедушки и папы вместе взятых будет.

– Изя круче дедушки?! – так сильно Ваня ещё никогда не удивлялся. Подумать только! Смирный и увлечённый систематизацией какой-то там информации Изя – круче самого супергиперметамегамахагениалиссимуса кавалера всего, что есть, чего нет, чего никогда не было и никогда не будет личного ваниного дедушки Ромы и папы вместе взятых?!

Ваня долго молчал, потрясённый услышанным. Минуты полторы молчал, не меньше.

– Это ещё что! – продолжал откровенничать Крыс. – Если взять Изю, твоего дядю Будю и всё остальное мужское население твоей семьи, они всё равно не смогут тягаться с твоей Мамой. Вот где крутизна, понимаешь?!

– Ну, об этом-то я и без тебя знаю, – разочаровал друга Ванечка, – Она же – Мама!

– Хорошо, если это – любовь, а не культ личности, – сухо заметил Крыс.

Ваня не слышал раньше двух последних слов, но на всякий случай сказал:

– Для Мамы и культа личности не жалко.

И сделал бандхан.

В подвале погас свет. Ваня сидел в темноте и слушал мысли Крыса:

– В принципе, старый, много повидавший на своём веку Крыс привык к мраку, а вот молодой бог, наверное, испытывает дискомфорт. Проблема, мой друг Иван, ещё и в том, что само место, где можно подняться из подвала в дом, известно только твоей Маме. Я могу попытаться найти для тебя подушку и одеяло, но для осуществления поиска мне необходимо будет совершить вылазку туда, откуда я сюда прибыл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.